

ЭХО

Дмитрий Ан

Дмитрий Ан Эхо

*<https://litres.ru/74121564>
SelfPub; 2026*

Аннотация

«Как глубоко нужно зайти, чтобы спасти того, кто не хочет быть спасенным? И не сломаешься ли ты сам по дороге?»

Рэн всегда считал свою жизнь безопасным монолитом: тепло котачу, привычный уют и надежное плечо родителей. Но один день разрушает эту иллюзию навсегда.

Став случайным свидетелем чужой беды, о существовании которой он даже не подозревал, Рэн сталкивается с пугающей изнанкой реальности своего одноклассника Хару. Привычный, понятный мир дает глубокую трещину. Пытаясь разгадать чужую тайну под свинцовым небом Асуки, Рэн оказывается один на один с удушающей паникой и вопросом: как жить дальше, когда ты узнал то, чего никогда не должен был видеть?

Содержание

Глава 1. Отсутствие	4
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Дмитрий Ан

Эхо

Глава 1. Отсутствие

Голос учителя литературы доносился словно сквозь толщу воды — глухой, монотонный, начисто лишенный смысла. Забавно, но учитель Като в действительности считает себя блестящим литератором и безупречным рассказчиком. Пару раз я даже слышал, как он сокрушался в учительской, что так и не стал диктором на телевидении. «Ему разве что новости экономики озвучивать» — усмехнулся я про себя. Но все же главная прелесть его уроков в том, что есть легальная передышка: учитель так увлекается рассказом, что напрочь забывает вообще следить за классом.

Я по привычке скользнул взглядом направо в поисках своего одноклассника — Хару. Сегодня, как и всю последнюю неделю, в школу он не пришел. Я тихо вздохнул, подперев голову рукой, и уставился в окно. За стеклом виднелись силуэты холмов, таких привычных и родных в Асуке. А вот погода сегодня мерзкая. Вроде бы и не холодно, но моросит отвратительный дождь и небо затянуто плотными тучами, словно брезентом.

А ведь помнится, в октябре, когда Хару впервые вошёл в

класс, была такая же противная погода...

Хару перевелся к нам в начале октября, в самый разгар осеннего триместра. Время, конечно, не лучшее. Сам он прямо ничего не рассказывал, но слухи в нашей глуши разносятся быстро: шептались, будто его родители переехали из Осаки из-за каких-то проблем.

«С сегодняшнего дня с нами будет учиться новенький — Хару Ито».

Помню, как он вошел: беловолосый парень, галстук туго затянут, блейзер застегнут на все пуговицы. Вид у него был растерянный, но он изо всех сил старался казаться уверенным и дружелюбным. Правда, в итоге за весь день он ни с кем кроме старосты толком и не познакомился.

После уроков я остался дежурить и убирать класс. А когда уже выходил из школы, заметил его в вестибюле. Уже переодетый, в уличной обуви он просто сидел на ступеньке, потупив взгляд. За окнами шел такой же морозящий дождь, как сегодня, который время от времени переходил в ливень.

Обычно я легко нахожу общий язык с ребятами, и, наверное, поэтому вид одиноко сидящего Хару меня как-то расстроил. Я даже сам не понимал почему. В общем, я сходил к автомату и купил пару банок теплого какао. Почему какао? Да не знаю. Мне нравится, да и всем оно нравится, вариант

беспроегрышный. Тем более я заметил, что на перемене Хару ничего не ел, хотя с энтузиазмом рассказывал парням про свои любимые кафешки в Осаке.

Я подошел к Хару, но он словно меня не замечал.

— Привет! — тихо сказал я. Внутри звякнула неловкость, я ведь совсем его не знал и понятия не имел, как подбодрить.
— Я Рэн.

Хару поднял голову, выдавил уставшую улыбку и поприветствовал меня:

— Привет, а я Хару.

Я протянул ему банку:

— Будешь?

— Можно?

Я не знал, что ответить, поэтому просто пододвинул баночку поближе и кивнул. Хару подвинулся, и я сел рядом.

— Тяжелый день, да?

— Нет, всё в порядке. Просто плохо спал.

— Волновался перед первым днем?

— Ну, мне не спалось.

Хару открыл баночку, сделал большой глоток и, зажмурившись, выдохнул:

— Да-а-а, как же это вкусно!

Меня так повеселила эта бурная реакция на обычное какао, что я хихикнул. Хару хитро покосился на меня и ехидно улыбнулся:

— Не смейся надо мной. Мне правда нравится.

— Я рад, — улыбнулся я.

— Ты странный, — ответил Хару.

«Парень смотрит в пол бог знает сколько времени, а странный я? Все городские такие?» — подумал я.

— Может быть, да, — усмехнулся я и широко улыбнулся.

— А почему домой не идешь? Хотел записаться в кружок?

— Ну нет, я не люблю кружки.

— А-а. Просто отдыхаешь?

— Ну. В принципе, да — вздохнул он.

Вздых у него получился какой-то очень тяжелый, и меня снова потянуло это странное, тягучее чувство в душе.

— Нет зонта, да? — предположил я.

Наверное, я выглядел слишком обеспокоенным, потому что Хару сразу как-то самоуверенно заулыбался:

— Да дело не в зонте, просто мне хотелось немножко отдохнуть, такой важный день.

Я немного удивился, что он так резко повеселел, но все равно спросил:

— А где ты живешь?

— В Татибе. Но я еще плохо ориентируюсь, — продолжал улыбаться Хару.

— Повезло, я тоже живу в Татибе! — улыбнулся я. — Пошли? У меня-то зонтик есть.

— Да, давай, — весело кивнул Хару.

Мы вышли из ворот школы и побрели в Татибу. Путь предстоял неблизкий, наверное, больше получаса, и как на-

зло в такую погоду особо не ускоришься.

Поначалу мы шли под зонтом молча. Пока я думал о том, как бы скорее добраться до дома и залезть под одеяло, Хару всю озираю по сторонам — словно пытался запомнить всё и сразу. Молчание затягивалось и становилось каким-то неловким, поэтому я ляпнул первое, что пришло в голову:

— Стоило взять еще по баночке какао, — вздохнул я.

— Эгри, — наигранно по-английски отозвался Хару. — Такой погоды я вообще не ожидал.

— Ты же, кажется, из Осаки? Вроде у вас потеплее в это время года.

Услышав кодовое слово «Осака», Хару прямо-таки оживился:

— В октябре в Осаке — идеально! Много солнца, тепло, никакой жары! Вообще лучшее место в Японии!

Мне даже стало немного обидно за родную Асуку. Да, пускай у нас тут всё историческое и такое медленное, что ли, но я правда считаю, что в Асuke уютно. Иногда на каникулах я уезжаю к папиной сестре в Киото, там, конечно, интересно, но возвращаться домой я люблю так же сильно, как и уезжать.

— Никогда не был в Осаке, — признался я. — Но моя тётя живет в Киото, иногда я езу к ней в гости.

— Говорят, там красиво! Но сам я в Киото ни разу не бывал. Может, мы с родителями выберемс туда на каникулах.

Как ни странно, болтовня Хару помогала мне отвлечься

от холода. Он очень красочно расписывал свои любимые кафешки в Дотонбори, но я всё равно замечал, что он мелко дрожит. Мама в такие моменты всегда следит за папой и сразу несет ему перекусить. Наверное, Хару до сих пор был голлодным. Жаль, я не догадался купить к какао какую-нибудь булочку.

Остаток пути Хару без умолку рассказывал, где обычно гулял, как выглядит его любимый кинотеатр и какой огромный магазин манги находится прямо рядом с его старым домом.

В конце концов мы добрались до Татибы. На первой же развилке Хару вдруг затормозил:

— Большое спасибо! Мне тут совсем недалеко осталось, дождь уже не такой сильный, я добегу!

— Погоди, — удивился я. — Осталось же всего ничего, зачем под дождь прыгать?

— А, ну мне просто нужно еще кое-куда заглянуть, — сказал Хару и начал пятиться назад. — В общем, не буду тебя больше утруждать. Пока!

И он стремительно припустил по улице, только крикнув напоследок:

— Спасибо за какао, Рэн!

Я кивнул и улыбнулся, но он этого уже точно не видел. Внутри до сих пор сидело недоумение.

«И куда он собрался заходить? Тут же в округе ни единого магазинчика нет. Странно».

Я свернул на свою улицу, до дома оставалось всего ничего. Шаг, второй — и вот я у крыльца. Фонарь над дверью не горел, значит, дома пока никого. Такая уж у нас семейная традиция.

На минуту я замешкался у порога, переваривая нашу прогулку. «Я странный», — усмехнулся я, вспомнив слова Хару. Стряхнув зонт, я вошел в дом.

Тогда, в октябре, я ещё не знал, что эта дурацкая баночка какао свяжет нас намертво. Уже на следующее утро я встретил Хару на той же самой развилке, и мы пошли вместе. И на следующее утро тоже. Каждое утро с тех пор мы ходили в школу вдвоем. Однако мы почти никогда не возвращались вместе домой.

После уроков он, как правило, куда-то исчезал. Поначалу я думал, что он всё-таки решил записаться в какой-нибудь клуб, но наши одноклассники его там тоже не видели. Ребята в классе вообще говорили, что вне школы он частенько бывает задумчивым и совсем не таким общительным, как на переменах.

Вообще Хару оказался человеком очень громким, даже каким-то звонким, упрямым и ужасно гордым. Иногда эта его городская гордость кололась посильнее шиповника. Он мог выйти из себя из-за сущего пустяка, едва ему чудилось, что его недооценивают, или выдать такую резкую, хлёсткую фразочку, что в воздухе повисала тяжелая тишина. Окружающих это порой задевало, но со своей лучшей улыбкой во

всю ширину зубов Хару быстро улаживал обиды. Меня же эта его внезапная резкость скорее приводила в замешательство.

Впрочем, общаясь с ним всё чаще, я заметил, что его острые шипы частенько сменялись какой-то виноватой, почти щенячьей, тихой мягкостью — словно ему самому было неловко за собственную колючесть.

Однажды в ноябре, когда наконец закончился сезон тайфунов, я неожиданно встретил его на пороге своего дома. После уроков прошло уже пары часов, и он застал меня врасплох. Впрочем, я быстро вспомнил, что Татиба крохотная — любой сосед мог на пальцах объяснить, как меня найти.

С тех пор мы стали часто гулять после школы. Брали с собой тетради и делали домашку где придётся. Погода стояла солнечная, сухая, и осень всю добавляла улицам красок. Я показал Хару старые гробницы, холмы и полусекретную смотровую площадку, с которой в хороший день были видны горы. Но почему-то больше всего ему понравились рисовые поля — даже после сбора урожая, когда они совсем опустели. «Так они не отвлекают внимание от багровых холмов», — сказал он тогда.

Особенно часто во время наших прогулок мы задерживались на автобусных остановках. Почему-то именно там ему всегда хотелось передохнуть, будто он на самом деле ждал свой автобус. Иногда прямо там мы и раскладывали учебники. Прохожие поглядывали на нас странно, словно мы были

какими-то беспризорниками. Впрочем, Хару это совершенно не волновало.

Пока Хару думал, он частенько смотрел вдаль. Поначалу мне просто так казалось, но со временем я понял: он словно вглядывался в пустоту, в какое-то подпространство, видимое ему одному. А иногда в его тетрадах прямо между строк появлялись тонкие росчерки, в точности повторяющие форму холмов и крыш в округе. Я замечал их постоянно, когда списывал у него математику. Честно говоря, я правда старался учиться и просил Хару объяснить мне решение, но он лишь раздражался и отмахивался, просто протягивая тетрадку. У него вообще не только с математикой было лучше, чем у меня, но и со всеми остальными предметами. Уверен, он легко мог бы стать круглым отличником, но оценки, как и выговоры учителей, не вызывали у него абсолютно никаких эмоций.

Звонок с последнего урока пробил тишину и монотонный бубнеж учителя, словно кувалда — тонкую стену. Так громко и неожиданно, что я вздрогнул, выпадая из октябрьских воспоминаний обратно в душный класс. Одноклассники тут же зашуршали сумками и оживленно заговорили. Кто-то спорил о занятиях в клубе, кто-то прикидывал шансы пробиться сквозь очередь к торговому автомату, а кто-то уныло ворчал на мерзкую погоду. Чувства последних я разделял

целиком и полностью.

Я так и не записался ни в один кружок, сколько бы ребята меня ни зазывали. Просто не мог выбрать. Мне многое нравилось, я сам по себе человек любопытный, но вот так жестко сконцентрироваться на чем-то одном и посвятить этому всего себя я был не готов. Так что я не торопясь, пережидая основную толкотню у дверей, медленно собирал портфель. И всё же осознание того, что сегодня — последний учебный день, завтра осталась только линейка, а впереди зимние каникулы, наконец-то меня догнало.

Хару не было уже неделю. Телефон по-прежнему молчал. Хотя, честно говоря, я отправил ему всего одно-единственное сообщение Наверное, стоило быть настойчивее.

Всю эту неделю одноклассники то и дело расспрашивали меня о Хару, но у меня банально не нашлось ответов. «Как ты можешь не знать? Вы же постоянно вместе таскаетесь!» — до сих пор звенели в ушах чужие слова. И ведь правда. Я понятия не имел, ни где он сейчас, ни почему пропал. Поначалу я просто отмахивался и уверял всех, что он, скорее всего, подхватил простуду. Но от его родителей не было ни записок, ни весточек; девчонки шептались, будто даже классному руководителю, который ходил к ним домой, никто не открыл дверь.

«И всё-таки нужно узнать, что случилось», — твердо решил я, затягивая ремешок портфеля.

Скоро Новый год, и если я промолчу сейчас, мы не уви-

димся еще пару недель. Мне отчаянно хотелось верить, что они всей семьей просто спонтанно уехали в отпуск. Но даже эта утешительная мысль больше не помогала заглушить липкую, тягучую тревогу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.